

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.01.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 10.03.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-2-230-237

ВАСИЯН Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного и
социально-экономического образования ФГАОУ ВО
«Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б.Н. Ельцина»
(Россия, Екатеринбург),
e-mail: R_Vasiyan@mail.ru

ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОЙ ЭКОСИСТЕМЫ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы правовой идентификации и определения понятия «цифровая экосистема». Автор анализирует генезис термина, его заимствование из биологии в экономику и право, а также существующие в научной литературе и нормативных актах разночтения в его трактовке. Особое внимание уделяется соотношению понятий «цифровая платформа» и «цифровая экосистема». Исследуются подходы к правовому регулированию цифровых экосистем в России и за рубежом. Обосновывается необходимость разработки и принятия системообразующего закона, устанавливающего основы правового регулирования цифровых экосистем в российской экономике, с учетом баланса между инновационным развитием, конкуренцией и защитой прав участников.

Ключевые слова: цифровая экосистема, цифровая платформа, правовая идентификация, правовое регулирование, антимонопольное законодательство, информационные технологии, бизнес-модель.

VASIYAN Roman Ivanovich,
Associate Professor of the Department
of Humanities and Socio-Economic Education,
Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF A DIGITAL ECOSYSTEM: CURRENT PROBLEMS OF LEGAL IDENTIFICATION

Annotation. This article examines current issues in the legal identification and definition of the concept of “digital ecosystem.” The author analyzes the origins of the term, its adoption from biology into economics and law, and the discrepancies in its interpretation in scientific literature and regulations. Particular attention is paid to the relationship between the concepts of “digital platform” and “digital ecosystem.” Approaches to the legal regulation of digital ecosystems in Russia and abroad are explored. The need for the development and adoption of a system-forming law establishing the foundations for the legal regulation of digital ecosystems in the Russian economy is substantiated, taking into account the balance between innovative development, competition, and the protection of participants’ rights.

Key words: digital ecosystem, digital platform, legal identification, legal regulation, antitrust legislation, information technology, business model.

Введение

Для современных условий экономического развития характерным является формирование и развитие цифровых экосистем во многих сферах экономики. Так, по оценке экспертов McKinsey, к 2025 году на экосистемы может прийти около 30% глобального ВВП (60 трлн долл. США). По

данным исследований экспертов PWC, к концу 2021 года капитализация компаний Apple и Microsoft – превышала 2 трлн долл., а Saudi Aramco, Alphabet (Google) и Amazon – оценивалась более 1 трлн долл.

Специфический термин – «цифровые экосистемы» нередко используется в экономической

науке, предпринимательском правоведении и других исследованиях, однако его этимология (происхождение) нуждается в более глубоком гносеологическом осмыслении, поскольку это оказывает существенное влияние на понимание данного термина.

Материалы и методы исследований

Значительное осложнение в понимании феномена «цифровые экосистемы» привносит то обстоятельство, что как в зарубежной, так и в отечественной, литературе существуют различные направления при рассмотрении экосистем: «бизнес-экосистемы» («business ecosystems»), где исследование концентрируется на фирме и её окружении, среде; «инновационные экосистемы» («innovation ecosystems»), в рамках которых внимание фокусируется на определённой инновации, предложении новой ценности и группе акторов, поддерживающих её; платформенные (технологические) экосистемы («platform ecosystems»), где рассматриваются механизмы организации акторов вокруг технологической платформы и т. д.

Сама базовая часть – «экосистема» – рассматриваемого термина имеет биологическое значение и идентифицируется как биологическая система, состоящая из сообщества живых организмов (биоценоз), среды их обитания (биотоп), системы связей, осуществляющей обмен веществ и энергии между ними. Термин «экосистема» предложен А. Тенсли (1935), который считал, что экосистемы «с точки зрения эколога, представляют собой основные природные единицы на поверхности земли», в которые входит «не только комплекс организмов, но и весь комплекс физических факторов, образующих то, что мы называем средой биомы, – факторы местообитания в самом широком смысле» и т. д. [15].

Таким образом, уже из кратких выше отмеченных положений совершенно очевидно, что термин «экосистемы», с одной стороны, и «цифровые экосистемы» – с другой, – это разные феномены как по своей этимологии, так и по семантическому смысловому значению. Если «экосистемы» имеют естественно-природный генезис, то «цифровые экосистемы» – результат интеллектуальной деятельности человека и т. д.

В связи с этим логически возникает вопрос о том, насколько обосновано и оправдано введение в терминологический аппарат и понятийное «поле» экономической науки, а также и правоведения в сфере предпринимательства, нового термина «цифровые экосистемы».

С методологических позиций по этому поводу необходимо заметить следующее.

Прежде всего, следует иметь в виду то, что ситуации, когда термины из категориального аппарата одной науки используются в той или иной

знаниевой области другой науки, не является какой-то редкостью. Примеров таких достаточно много и вряд ли стоит здесь их воспроизводить.

Вместе с тем заимствованный из другой науки термин может по-разному соотноситься и взаимодействовать с категориями иной науки (реципиента), воспринявшей его. В этом контексте можно выделить несколько способов.

Во-первых, – это способ «консолидации» терминов и понятий иных наук в предметный категориальный строй экономической науки (другой отрасли знаний), когда «инородный» термин (понятие), относящийся по своему содержанию, субстанциональной сущности к предмету иной науки, используется в экономической науке как термин, имеющий качественно иное содержание, форму, целевое назначение, функции и т. д., по сравнению со своим исходным («первородным») прототипом, сохраняя при этом лишь некоторые лингвистические элементы (звучание) последнего.

Во-вторых, «ассоциированные» в систему экономических категорий и понятий термины иных наук, которые (термины) используются в экономических исследованиях, однако, не имея достаточного «статуса» экономических категорий, поскольку в процессе их использования у них ещё не сформировалось чёткого, определённого экономического смыслового содержания.

В-третьих, ряд категорий иных наук не могут использоваться в экономическом научном «поле» ни в качестве «консолидированных», ни в форме «ассоциированных» методологических инструментов в силу того, что имеют сугубо специфическое от определённой науки содержание, которое не способно «трансформироваться» («преобразоваться») и, таким образом, приобрести какое-либо другое смысловое значение. Такие термины (например, в физике – электрон, протон и т. д.) могут использоваться в экономике только в их исходном («первородном») смысловом значении.

С учётом выше отмеченного можно сделать вывод о том, что термин «цифровые экосистемы» применяется в экономической науке, а также в предпринимательском правоведении, сочетая при этом элементы «консолидированного» и «ассоциированного» способов использования биологического (экологического) по своей этимологии термина «экосистема» в качественно ином (экономическом) предметном пространстве.

Результаты и обсуждения

В самом деле, базовая часть – «экосистема» – (существительное) термина «цифровые экосистемы» используется в экономических исследованиях вместе с прилагательным – «цифровые», что не только придаёт специфическое лингвистическое звучание словосочетанию «цифровые экоси-

стемы», но и качественно трансформирует его содержание, функции, смысловое значение и т. д. в системе категориального аппарата экономической науки.

Вместе с тем следует заметить, что к настоящему времени термин «цифровые экосистемы» не интегрировался должным образом в систему экономических категорий, о чём свидетельствует то, что в литературе существует достаточно большой «разброс» различных мнений, взглядов и подходов авторов к пониманию феномена «цифровые экосистемы».

Прежде всего, во многих исследованиях «экосистема» понимается в «широком» и «узком» смысловых значениях. Так, родоначальник термина «экосистема» в сфере экономики Джеймс Мур подходил к его пониманию с широких позиций. По мысли данного автора, в экономике под «экосистемой» следует понимать экономическое сообщество, поддерживаемое базисом из взаимодействующих организаций и отдельных лиц.

Н. А. Молодчик и Д. С. Брагина, говоря о «цифровых экосистемах» в широком смысле, отмечают, что зачастую под экосистемой понимают модель ведения бизнеса, при которой существует система из взаимодействующих и взаимовлияющих элементов – организаций, процессов, проектов, сервисов, что создаёт благоприятную среду для сотрудничества и удовлетворения взаимовыгодных интересов [4].

При этом применение «экосистемного» подхода, как отмечают указанные авторы, возможно не только по отношению к внешней среде компании, но и внутри неё. Более того, появился концепт экосистемного анализа экономики.

По мысли А. В. Спиридоновой: «В широком смысле под экосистемами в сфере предпринимательской деятельности можно, на наш взгляд, рассматривать систему взаимодействия между хозяйствующими субъектами, которая основана на долгосрочном, взаимовыгодном, юридически оформленном сотрудничестве, которое позволяет удовлетворять интересы и цели каждого из членов такой системы» [5].

В литературе высказана и такая позиция, когда систему сквозных социальных и бизнес-процессов именуют «цифровой экосистемой деятельности» [2].

В соответствии с положением подпункта «с» пункта 4 утверждённого Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 документа – «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» – экосистема цифровой экономики определена как: «партнёрство организаций, обеспечивающее постоянное взаимодействие принадлежащих им технологических платформ, прикладных интернет-сервисов,

аналитических систем, информационных систем органов государственной власти Российской Федерации, организаций и граждан» [7].

В связи с этим и другими широкими подходами к рассмотрению категории «экосистема» следует заметить, что экономическая деятельность – особенно в современных условиях, – чаще всего, охватывает собой совокупность экономических и иных взаимовыгодных связей и интересов нескольких хозяйствующих субъектов – производитель товара, дистрибьютор (посредник), покупатель, рекламная организация и т. д., что с позиций «широкого подхода» может быть идентифицирована как «экосистема». Аналогично, взаимовыгодные длительные экономические связи холдинговых компаний с десятками поставщиков, покупателей, других хозяйствующих субъектов, основанные на общих программах, сервисах и т. д., также при таких условиях могут рассматриваться как «экосистема».

К тому же указанные системные взаимосвязи нередко включают в свой состав компетентные публичные органы, отношения с которыми носят зачастую властный, а не экономический характер.

Примечательно, в ранее действовавшей Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» термин «социально-экономические экосистемы» интерпретировался только в виде «локализованного комплекса организаций, бизнес-процессов, инновационных проектов и инфраструктурных образований», – понимание, которое вряд ли можно назвать релевантным, поскольку здесь в рамках одного понятия предпринята попытка объединить ряд разнородных явлений, процессов и т. д.

В контексте выше отмеченного термин «экосистема» становится весьма «аморфным» (неопределённым) обозначением, которое вряд ли может сейчас претендовать на «статус» научной экономической категории и пригодно, разве, для условного использования в каких-либо специфических исследовательских целях.

Что касается «узкого» понимания «экосистемы» – как «цифровые экосистемы», – то здесь во взглядах, наряду с единством, имеются и некоторые особенности.

По определению Н. А. Молодчик и Д. С. Брагиной, цифровая экосистема – «это совокупность взаимосвязанных и дополняющих друг друга цифровых сервисов, объединённых технологической платформой. Все сервисы, входящие в состав цифровой экосистемы, создают дополнительную ценность для клиентов компании» [4].

С разных точек зрения – технологической, экономической, организационной – рассматривает «цифровую экосистему» А. Н. Арзамаскин. В

частности, как полагает автор, с экономической точки зрения «цифровая экосистема – это среда, в которой создание добавочной стоимости проектов или продуктов осуществляется с помощью информации и технологий работы с большими данными» [1].

Также достаточно абстрактно определяет «цифровую экосистему» ассоциация электронных коммуникаций – как среду, состоящую из шести базовых «хабов»: «Государство и общество», «Маркетинг и реклама», «Финансы и торговля», «Инфраструктура и связь», «Медиа и развлечения», «Образование и кадры».

По мысли зарубежных авторов W. Li, Y. Vasdr: «Экосистемой цифровой экономики является система, способная к самоорганизации и масштабированию. Данная система состоит из различных по своим характеристикам элементов, которые взаимодействуют друг с другом, что, в свою очередь, способствует увеличению общей пользы, а также даёт новые возможности для распространения информации и инноваций» [8].

Из выше приведённых определений «цифровой экосистема» можно сделать некоторые выводы.

Во-первых, констатируется, что цифровые экосистемы базируются на технологических платформах.

Во-вторых, сервисы, входящие в состав цифровой экосистемы, создают дополнительную ценность для её участников.

В-третьих, авторы нередко не проводят каких-либо различий между понятиями: «цифровая экосистема» и «цифровая платформа», которые, безусловно, неразрывно связаны между собой, однако это не идентичные феномены.

С учётом отмеченного можно сформулировать следующее определение.

Цифровая экосистема – это базирующаяся на одной (или более) цифровой платформе качественно специфическая среда в сфере экономики, в которой (среде) посредством взаимодействующих между собой технических средств, информационных технологий и сервисов осуществляются связи между её субъектами, для которых, таким образом, создаются различные продукты и услуги, дополнительно обеспечивающие им организационные удобства, финансовую привлекательность и другие ценности.

Что же касается соотношения феноменов «цифровая платформа» и «цифровая экосистема», то по этому поводу можно отметить следующее. При всей, безусловной, тесной, неразрывной взаимосвязи этих понятий, тем не менее, их нельзя отождествлять.

Нередко «цифровую платформу» идентифицируют как «совокупность аппаратного, программного обеспечения и услуг», а также как «бизнес-модель, основанную на создании территории, открытой для сторонних поставщиков, действующих автономно» [9].

Высказано и такое мнение, как-то: «По сути, цифровая платформа представляет собой техническое решение, используемое в сети Интернет для подключения как множества поставщиков, так и множества покупателей товаров, работ, услуг». При этом подчёркивается, что по отношению к лицу – владельцу цифровой платформы – в российском законодательстве в ряде случаев применяются такие обозначения, «оператор платформы», «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)».

По мысли А. Н. Арзамаскина: «На сегодняшний день экосистемы представляют собой наиболее прогрессивную форму развития бизнес-модели», «процесс объединения цифровых платформ в экосистемы связан в первую очередь с высоким уровнем конкуренции» [1].

Из последнего положения, где говорится о процессе «объединения цифровых платформ в экосистемы», следует, что здесь также не проводится различие между понятиями «цифровая экосистема» и «цифровая платформа», которые, скорее, идентифицируются как равнозначные категории.

В контексте рассматриваемого вопроса о соотношении категорий «цифровая экосистема» и «цифровая платформа» некоторый интерес представляют отдельные положения, содержащиеся в российском законодательстве, касающиеся правового регулирования отношений в сфере информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Так, в соответствии с положением подпункта 1 пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ инвестиционная платформа – информационная система в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», используемая для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой информационной системы договоров инвестирования, доступ к которой предоставляется оператором инвестиционной платформы [11].

В свою очередь, понятие «информационная система» используется в выше указанном Федеральном законе в значении, определённом в положении пункта 3 статьи 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ, согласно которому информационная система – это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих её обработку информационных технологий и технических средств [12].

Таким образом, с учётом выше приведённых положений можно отметить следующее.

Во-первых, цифровая платформа представляет собой ни что иное, как информационную систему в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Во-вторых, содержание понятия «информационная система», а, следовательно, и «цифровая платформа», составляют такие элементы, как: информация, содержащаяся в базе данных; технологии и технические средства, обеспечивающие её обработку.

В-третьих, посредством указанных данных – информации, технологий и технических средств осуществляется заключение договоров между участниками цифровой платформы.

В-четвёртых, различные продукты/услуги, предоставляемые цифровой платформой её участникам на договорной основе, позволяют им значительно экономить время, сокращать транзакционные издержки, использовать современные цифровые формы экономических взаимосвязей и т. д.

Попытка разграничить понятия «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» предпринята в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» (май, 2021) (далее – Концепция общего регулирования) [10].

Вместе с тем в указанном документе содержится оговорка: «Границы между цифровыми платформами и предоставляемыми ими продуктами/услугами и цифровыми экосистемами могут быть размытыми. Цифровые экосистемы являются следующей фазой развития цифровых платформ, в том числе могут включать несколько цифровых платформ. Также экосистемы зачастую основаны на современной технологической платформе».

Отсюда следует, что с точки зрения субстанциональной сущности «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» – феномены почти идентичные с небольшой особенностью: «цифровые экосистемы» выступают лишь «следующей фазой развития «цифровых платформ» и могут включать в себя несколько цифровых платформ, что вряд ли можно признать в качестве существенных отличительных признаков.

В связи с этим необходимо заметить, что сугубо с чисто «технической» либо «экономической» позиций, возможно, что категоризация соотношения понятий «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» не является столь значимой. Однако, поскольку указанные термины используются в действующем законодательстве и на практике, то для правового регулирования отношений, связанных с созданием цифровых

платформ, их использованием, выстраиванием моделей правовых взаимоотношений между их участниками и т. д. – это является достаточно важным.

В Концепции общего регулирования «цифровая платформа» определена как «бизнес-модель, позволяющая потребителям и поставщикам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами и информацией (цифровыми сервисами), включая предоставление продуктов/услуг/информации собственного производства» [10].

В свою очередь, «цифровая экосистема» в Концепции общего регулирования идентифицирована как «клиентоцентричная бизнес-модель, объединяющая две или более группы продуктов, услуг, информации (собственного производства и/или других игроков) для удовлетворения конечных потребностей клиентов (безопасность, жильё, развлечения и т. д.)» [10].

Таким образом, основное отличие между выше приведёнными определениями, как можно понять, заключается в том, что если «цифровая платформа» определяется как «бизнес-модель», позволяющая её участникам связываться онлайн для обмена продуктами, услугами, информацией (цифровыми сервисами) для удовлетворения своих потребностей, то «цифровая экосистема» идентифицирована как «клиентоцентричная бизнес-модель», объединяющая несколько групп продуктов, услуг, информации для удовлетворения конечных потребностей клиентов.

Однако, строго говоря, и «цифровая платформа» – это тоже, в сущности, «клиентоцентричная» бизнес-модель. И тогда вновь возвращается ранее обозначенный вопрос: в чём же заключается существенное взаимное отличие концептов – «цифровая платформа» и «цифровая экосистема»?

В связи с этим примечательным является то, что в Концепции общего регулирования после определения «цифровой экосистемы» содержится пояснение: «Особенностью экосистем является то, что они объединяют продукты/услуги, создавая дополнительную ценность при использовании более чем одним/одной продуктом/услугой с точки зрения удобства и/или финансовой привлекательности для своих поставщиков и потребителей, на основе технологических платформ».

Из приведённого «пояснения», как видно, следует, что особенностью «экосистем» является, в том числе, то, что они объединяют различные продукты/услуги «на основе технологических платформ». Иначе говоря, получается, что «экосистемы» базируются не на «цифровых платформах», а на основе «технологических платформ». В Концепции общего регулирования понятие «технологическая платформа», в отличие от определения «цифровой платформы», сформулировано

как то, что «это набор технологических переиспользуемых компонентов (как правило, облачных) на каждом уровне архитектуры (инфраструктура, хранение данных, технологические сервисы, бизнес-логика, прикладные решения, каналные приложения)» и других инструментов.

Таким образом, получается вместо того, чтобы сформулировать более чёткие определения «цифровая платформа» и «цифровая экосистема», в Концепции общего регулирования дополнительно введено специфическое определение – «технологическая платформа», что ещё более усложнило понимание указанных терминов.

На наш взгляд, соотношение и взаимосвязь таких феноменов, как «цифровая платформа» и «цифровая экосистема» можно представить в виде сложного явления, структурно состоящего из базового элемента – «ядра», в качестве которого выступает «цифровая платформа» и другого элемента – всего того, что окружает это «ядро» – формирует вокруг него специфическую цифровую среду в виде различных институциональных формирований, опосредствующих использование цифровых технологий (сервисов), технических средств и т. д. данной цифровой платформы с целью удовлетворения интересов и потребностей участников цифровой платформы. Указанная цифровая среда создаёт необходимые условия для развития «цифровой платформы» и связанных с ней информационных технологий, а также для эффективного взаимодействия участников «цифровой платформы».

Как представляется, содержание цифровой среды российской экономики включает в себя ряд институциональных формирований, которые определяют цифровую экосистему экономики в структурном и функциональном отношениях. Среди таких институциональных формирований в качестве основных можно выделить, в частности, следующие: цифровые платформы вместе с связанными с ними техническими средствами, цифровыми технологиями, производимыми платформенными продуктами и услугами; субъекты – участники цифровой платформы, вступающие между собой в различные экономические отношения с целью удовлетворения своих потребностей и интересов; институт публичных органов и общественных организаций, призванных оказывать содействие и поддержку в развитии цифровых технологий; институт привлечения инвестиций в развитие цифровой среды экосистемы экономики России; институт национальной стратегии и обеспечения безопасности России, а также прав и законных интересов граждан в цифровой среде в условиях её глобализации; научно-техническое и кадровое обеспечение развития цифровой среды экосистемы экономики России; институт междуна-

родного сотрудничества Российской Федерации с дружественными странами в формировании и развитии цифровой среды в рамках региональных и иных экономических объединений государств.

Оба обозначенных выше компонента – («ядро» цифровой экосистемы – «цифровая платформа» и «цифровая среда», охватывающая указанные выше и другие институциональные формирования, в совокупности образуют «цифровую экосистему» российской экономики.

Выводы

Поскольку «цифровые экосистемы» – относительно новый концепт, который крайне недостаточно отражён в российском законодательстве, в связи с чем остро нуждается в его категоризации.

Прежде всего, очевидно, это касается необходимости разработки и принятия системообразующего Закона об основах правового регулирования цифровых экосистем, на базе которого в дальнейшем должна формироваться законодательная и иная регуляторная «инфраструктура», обеспечивающая функционирование цифровых экосистем российской экономики.

Расширение сегментов экономики, на которых функционируют цифровые экосистемы, обуславливает необходимость разработки нормативных положений, препятствующих монополизации деятельности в указанных сферах, и соответствующих современным техническим, информационно-технологическим, социально-экономическим, а также политико-правовым требованиям. Антимонopolное регулирование, с одной стороны, должно предоставлять достаточную свободу экономической деятельности цифровых платформ, создавать условия для их инновационного развития, конкурентоспособности, а с другой – чётко обозначить критерии и допустимые пределы доминирующего влияния цифровых платформ на тех или иных сегментах экономики.

К числу важнейших при осуществлении правового регулирования цифровых экосистем, безусловно, также относятся вопросы, связанные с обеспечением защиты персональных данных клиентов, равноправного доступа субъектов к монетизируемой информации цифровых платформ, проверка качественных характеристик их контента.

И здесь, конечно, полезным представляется обратиться к наработанному положительному опыту зарубежных стран. Так, в КНР, где функционирование и правовая регламентация цифровых технологий достигли достаточно высокого уровня, деятельность цифровых платформ и экосистем поддерживается органами государственной власти, и их развитие в целом осуществляется в рамках свободного экономического и правового пространства. Однако это допускается до тех преде-

лов, когда цифровая платформа начинает занимать доминирующее положение на определённом сегменте экономики, в результате чего создаётся угроза подмены соответствующих функций государства её деятельностью. В частности, в 2019 – 2020 годы ряд исков антимонопольным органом КНР был предъявлен к таким крупным цифровым компаниям, как Alibaba, JD.com и Tencent о злоупотреблении доминирующим положением. В рамках цифровой регуляторной системы в КНР в 2019 году был принят Закон об электронной коммерции, предусматривающий, в том числе, положения о защите персональных данных и прав покупателей, необходимость борьбы с контрафактной продукцией, фейковыми отзывами.

В Европейском союзе для регуляторной системы в сфере упорядочения деятельности цифровых платформ и экосистем характерным является то, что в целом она направлена на обеспечение развития внутренних цифровых рынков и усиление требований к иностранным цифровым платформам и экосистемам. В 2020 году там был разработан ряд проектов нормативных регламентов, в части упорядочения функционирования цифровых рынков, больших данных, цифровых услуг. При этом основные акценты были сделаны на обеспечение прав пользователей, борьбе с нелегальным контентом, недопустимости злоупотребления доминирующим положением цифровых платформ и экосистем.

В регуляторной системе США в цифровой сфере экономики высоко развит институт антимонопольного законодательства, направленный на предотвращение ситуаций, связанных со злоупотреблением со стороны цифровых платформ своим доминирующим положением на определённом сегменте рынка [13].

При построении системы правового регулирования отношений в сфере цифровых экосистем в России, прежде всего, необходимо исходить из разработанного ФАС России Проекта базовых принципов взаимодействия участников цифровых рынков [14]. Среди таких принципов обозначены, в частности: разумная открытость платформ; нейтральность в отношении ко всем сторонам рынка; обеспечение самостоятельности пользователей платформ при взаимодействии с ними; обеспечение прав пользователей платформ.

Указанные базовые принципы подлежат применению в случае пробелов в законодательстве, и носят в значительной мере превентивный характер. Однако, думается, целесообразно было бы закрепить верифицированные практикой базовые принципы деятельности цифровых платформ на законодательном уровне, чётко прописав механизмы реализации этих принципов, формы и виды (меры) ответственности лиц за их нарушения и т. д.

В целом можно отметить, что формирующаяся в Российской Федерации регуляторная система в сфере цифровых экосистем должна быть сориентирована на создание открытых, прозрачных, недискриминационных условий деятельности субъектов – участников цифровых платформ, обеспечение технологического суверенитета и инновационного развития Российской Федерации, её конкурентоспособности на мировом рынке, а также реализацию конституционных прав граждан, в частности – свободу получения и распространения информации, неприкосновенность частной жизни.

Список литературы:

- [1] Арзамаскин А. Н. Цифровые экосистемы в современном российском обществе: понятие, общая характеристика, правовой аспект регулирования // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2. С. 12.
- [2] Иншакова Е. И. Формирование экосистемы цифровой экономики Российской Федерации: институциональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. - 2020. Т. 22. № 4. С. 7.
- [3] Кукушкин С. Н. Транзакционный анализ бизнес-экосистем // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2021. № 5. С. 138-139.
- [4] Молодчик Н. А., Брагина Д. С. Внешние и внутренние цифровые экосистемы: российские практики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 143.
- [5] Спиридонова А. В. Цифровые экосистемы // Университетские правовые диалоги «Право и предпринимательство»: материалы международной научно-практической конференции, 224-25 марта 2022 г. / под ред. В. В. Кваниной. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. Ч. 1. С. 140.
- [6] Руденко М. Н., Грибанов Ю. И. Тенденции цифровизации и сервисизации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 2 (40). С. 5.
- [7] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собр. Законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.
- [8] Li W., Bacdr Y. Digital Ecosystems: Challenges and Prospects // International Conference of Management of Emergent Digital Ecosystems. 2012. P. 117.
- [9] Что такое цифровая платформа для ритейла // [Электронный ресурс] URL: <https://siddigital.com/article/chto-takoe-cifrovaya-platforma-dlya-ritejla/#tsifrovaya-platforma-kak-biznes-model> (дата обращения 20.08.2024).

[10] Концепция общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «экосистемы» (май, 2021). // [Электронный ресурс] URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (дата обращения 20.08.2024).

[11] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2019. № 31. Ст. 4418

[12] Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

[13] Международный опыт регулирования в США // [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/kontseptsia-obshchego-regulirovaniia-delatelnosti-grupp-kompanii-razvivaiushchikh/i/mezhdunarodni-opyt-pravovogo-regulirovaniia/v-ssha/> (дата обращения 25.12.2023).

[14] ФАС в СМИ: Экосистемный анализ: ФАС составила пять принципов работы цифровых платформ // [Электронный ресурс] URL: fas.gov.ru/publications/23202 (дата обращения 20.08.2024).

[15] Экосистема. Большая российская энциклопедия // [Электронный ресурс] URL: bigenc.ru/c/ekosistema-cb7f92 (дата обращения 20.08.2024).

[16] Третьяков О. В. Анализ факторов успеха создания, функционирования и развития цифровых экосистем в бизнесе // Московский экономический журнал. 2022. № 2. С. 644-647.

References:

[1] Arzamaskin A. N. Digital ecosystems in modern Russian society: concept, general characteristics, legal aspect of regulation // The rule of law: theory and practice. 2022. No. 2. P. 12.

[2] Inshakova E. I. Formation of the ecosystem of the digital economy of the Russian Federation: institutional aspect // Bulletin of Volgograd State University. Economics. - 2020. Vol. 22. No. 4. P. 7.

[3] Kukushkin S. N. Transactional analysis of business ecosystems // Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics. 2021. No. 5. P. 138-139.

[4] Molodchik N. A., Bragina D. S. External and internal digital ecosystems: Russian practices // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2023. No. 1. P. 143.

[5] Spiridonova A. V. Digital Ecosystems // University Legal Dialogues "Law and Entrepreneurship": Proceedings of the International Scientific and Practi-

cal Conference, March 24-25, 2022 / edited by V. V. Kvanina. Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2022. Part 1. P. 140.

[6] Rudenko M. N., Gribanov Yu. I. Trends in Digitalization and Servisization of the Economy // Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology. 2019. No. 2 (40). P. 5.

[7] Decree of the President of the Russian Federation of 09.05.2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017-2030" // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2017. No. 20. Art. 2901.

[8] Li W., Bacdr Y. Digital Ecosystems: Challenges and Prospects // International Conference of Management of Emergent Digital Ecosystems. 2012. P. 117.

[9] What is a Digital Platform for Retail // [Electronic resource] URL: <https://siddigital.com/article/chto-takoe-cifrovaya-platforma-dlya-ritejla/#tsifrovaya-platforma-kak-biznes-model> (accessed 20.08.2024).

[10] Concept of General Regulation of the Activities of Groups of Companies Developing Various Digital Services Based on a Single "Ecosystem" (May 2021). // [Electronic resource] URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/cb29a7d08290120645a871be41599850/konceptsiya_21052021.pdf (accessed on August 20, 2024).

[11] Federal Law of August 2, 2019 No. 259-FZ (as amended on August 8, 2024) "On Attracting Investments Using Investment Platforms and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Coll. legislation of the Russian Federation. 2019. No. 31. Art. 4418

[12] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ (as amended on August 8, 2024) "On Information, Information Technologies, and the Protection of Information" // Coll. legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (Part 1). Art. 3448.

[13] International regulatory experience in the USA // [Electronic resource]. URL: <https://sudact.ru/law/kontseptsia-obshchego-regulirovaniia-delatelnosti-grupp-kompanii-razvivaiushchikh/i/mezhdunarodni-opyt-pravovogo-regulirovaniia/v-ssha/> (accessed December 25, 2023).

[14] FAS in the Media: Ecosystem Analysis: FAS has developed five principles for the operation of digital platforms // [Electronic resource] URL: fas.gov.ru/publications/23202 (accessed on August 20, 2024).

[15] Ecosystem. The Great Russian Encyclopedia // [Electronic resource] URL: bigenc.ru/c/ekosistema-cb7f92 (accessed on August 20, 2024).

[16] Tretyakov, O. V., Analysis of Success Factors for the Creation, Functioning, and Development of Digital Ecosystems in Business // Moscow Economic Journal. 2022. No. 2. pp. 644-647.